

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 312 (8358)

Воскресенье, 10 ноября 1940 г.

ЦЕНА 10 КОП.

ТРИ СУДЬБЫ

Народная память сохранила в веках и донесла до наших дней легенду о светлой, как родник, любви Кыз-Жибек и Толегена. Эта чистая, возвышенная любовь обрывается злодейским убийством Толегена. Он убит соперником, а без Толегена нет счастья, нет жизни и для Кыз-Жибек...

В далеких казахских аулах, затерянных в бескрайних ковыльных степях, на высотах горных пастбищах, окаймленных снеговыми вершинами Ала-Тау, на прибрежных лугах сурового Иртыша эту легенду знали наизусть старики и молодежь. Любимую песню Кыз-Жибек пели старые жирши под аккомпанемент своей неразлучной домбры, звонким голосом затягивали ее девushки.

Песню эту много раз слышала и маленькая Куляш. Ее мастерски исполнял отец, старый Жаныс. Недаром Жаныса, хорошего сапожника, ценили не столько за умение шить красивые ичиги, сколько за неисчерпаемое обилие песен, которыми он, не скупясь, разливал каждого, кто хотел его послушать.

Куляш восхищалась красотой Кыз-Жибек. Она старалась представить себя в ее образе. Вот она одета в парчевое платье, на голове у нее бархатная шапочка, отороченная бобром, на ногах цветные сапожки. В косах позвякивают серебряные чулны, их звону вторят длинные сережки. Она идет навстречу своему Толегену, она приближается к нему мелкими шажками, и при каждом шаге острые носочки сапожков выступают из-под оборки платья. Она держит голову вот так и делает еще один шаг, и вдруг... нестерпимая боль поднимается от ступни к колену. Прекрасная Кыз-Жибек исчезает. На голой площадке двора остается маленькая босоногая девочка. Из ноги сочится кровь. И кто только разбросал здесь осколки пиалы!..

Много песен слышала и Дина. Она часами, затаив дыхание, слушала игру домбристов. Когда в аул приехал знаменитый Курмангазы, она неотступной тенью следовала за ним по пятам и с каким-то страхом наблюдала, как под его искусными пальцами оживали струны, и, нарастая, вскипала мелодия.

Улучив свободную минуту, Дина пыталась воспроизвести слышанное. Но таких свободных минут было очень мало. Дина помогала отцу-рыбаку выбирать из мокрых сетей живое серебро добычи, помогала матери по хозяйству. Лишь в редкие дни руки невольно тянулись к домбре.

Но девичьи дни коротки. «В тринадцать лет девушка становится хозяйкой юрты», — говорит старая казахская поговорка. В тринадцать лет — иногда немного раньше, иногда немного позже — родители, получив калым, провожали дочь в дом мужа.

Выдали замуж и Дину. Раннее замужество не принесло ей ни достатка, ни счастья. Радость давали лишь дети да домбра, расстаться с которой было выше сил. Нередко в предвечерних сумерках над затихшим аулом неслись мелодии. То молодая женщина беседовала со своим верным другом — домброй. Соседи любили слушать игру Дины, восхищались ею, и скоро стоустая молва разнесла о ней хвалу далеко за пределы аула. Дина стала желанной участницей всех тоев и празднеств. Ее без передышки заставляли исполнять один кюй¹⁾ за другим и удивлялись их обилию.

Динэ исполнилось тринадцать лет, когда она овдовела. По древнему обычаю она вместе с детьми перешла в семью деверя, который занял место умершего брата.

Шли годы. Подрастали дети. Старший сын обещал стать трудолюбивым жигитом, помощником отца. Но вот в шестнадцатом году по парскому манифесту жигитов оторвали от родных семей и погнали на дальний север, на жестокую войну. С одним из эшелонов уехал и сын Динэ, подсунутый волостным управителем взамен своего сына.

Только темные осенние ночи знали глу-

¹⁾ Кюй — музыкальная пьеса без слов для домбры.

турой. Оно изменило облик семьи. Военное искусство, которое было некогда привилегией дворянской касты, стало родным делом рабочей среды.

Павлова-отца сделала большевиком глубокая ненависть к старому строю. Не из книг он узнал, что такое капитализм. Он не знакомился с историей большевизма, когда пошел за большевиками. Он был тогда и недостаточно грамотен для этого. Но он твердо знал, что большевики — это его родная рабочая партия так же, как Выборгская сторона — это его родной рабочий квартал, как рабочая среда — его родная классовая среда.

Дети Петра Павловича пришли к большевизму иным путем. Отцу их нечего было охранять в старой жизни, а у них в новой жизни есть уже ценности, за которые они готовы отдать свою жизнь. У них есть собственность — социалистическая собственность их родины, великое достояние, великое наследство. Большевиком они впитали с детства, потому что все вокруг них было и есть свое, советское, большевистское: и родной завод, и родной город, и родная семья. Они грамотны, образованы, культурны. Они составляют кадры новой, народной, советской интеллигенции. И они любят военное дело, связаны с Красной Армией родственными нитями и даже тогда, когда сами работают в цехе, в душе своей полувоенные люди. Потому что военное искусство — это составная часть марксизма-ленинизма.

Старое старится, молодое растет. Но советская страна не знает борьбы и вражды поколений. Отцы и дети — друзья в советской семье. В них есть общие черты, воспитанные всей историей борьбы рабочего класса и победного социалистического строительства. Дети многому научились у отцов, но и отцы учились у детей. В сыновьях ярко выражено то новое, что внесли в жизнь советского человека двадцать три года социалистической революции. В Петре Павловиче Павлове его дети видят живой носителя большевистских традиций. Они гордятся своим отцом, как и отец гордится своими детьми, новой советской порослью, возвращенной партией Ленина — Сталина.

П. ЛУКНИЦКИЙ. Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

Ленинград.

бину материнского горя, только холодной подушке да верной домбре открывала мать страдания своего сердца...

* * *

Чем могла бы вспомнить свою юность Шекер? Дырявая юрта, плохая защитница от холодных дождей и палящих солнечных лучей, закоптелый казан, редко-редко заполнявшийся мясом, вечные жалобы матери-вдовы и надрывный плач детей. Вот, пожалуй, и все.

Аул стоял в степи. По песчаным барханам ползали черепахи, верблюды обрывали сухую колючку, блестели под солнцем белые плешины солончаков. За сизой дымкой горизонта обрывался знакомый мир. О том, что было дальше, просто не думалось. Ведь это было и без того ясно — выдалут замуж, муж увезет к себе, навсегда разлучит с родными. И будет она, не разгибая спины, работать в чужой семье. Таковой была участь всех казашек, и ей ли, сироте, можно что-нибудь изменить в вечноных законах жизни? Боялась Шекер одного: а вдруг мать, измученная непосильной, неравной борьбой с нуждой, постоит на богатый калым, отдаст в младшие жены под начало какой-нибудь важной байбише?

И настал день, когда мать должна была решить судьбу дочери. Нелегкая это была задача. За ее подол цеплялась не одна пара детских рученок. А что, если повыгоднее продать старшую дочь? Ведь тогда будут сыты малыши, тогда и самой можно будет разогнуть усталую спину. Шекер — девушка красивая, ловкая, работающая. За нее дадут хороший калым. Будет она жить в богатой юрте.

Но страшно было матери собственными руками вырвать из рук дочери тонкую нить, дающую опору в жизни, нить, имя которой — надежда. Как зерна, перебирала она в уме все доводы и, наконец, пришла к безрассудному, по мнению окружающих, решению — она согласилась отдать дочь такому же бедному, как и сама, жениху...

Так шли долгие годы. И вот наступил Октябрь.

* * *

Куляш была тогда маленькой девочкой, стоящей у порога жизни, Дина уже несла на своих плечах груз шестидесятилетия, а Шекер, молодая женщина, едва вступив в жизнь, была твердо уверена, что жизнь ее определится и никогда не изменится.

Каждая из них ничем не походила на другую. А между тем все трое таили одно общее, которое делало их удивительно схожими. И это общее — судьба женщины-казашки: короткое девичество, унылое, как опаленная солнцем степь, замужество и безотрадная старость.

Великий Октябрь открыл новые пути каждой из них. Казашки перестали быть объектом купли-продажи, получили права человека, стали участниками новой жизни.

Маленькая Куляш пошла в школу. Здесь перед сотнями казахских девочек и мальчиков засветился путь, ведущий к неведомому до сих пор счастью.

Прошло немного лет, и осуществилась заветная мечта Куляш. В Советском Казахстане открылся национальный театр. Куляш стала артисткой. Она играет в нем роль Кыз-Жибек. За чудесный голос ее прозвали соловьем Казахстана. Вместе с лучшими представителями казахского искусства Куляш Байсеитова побывала в Москве. Она награждена орденом Трудового Красного Знамени и получила высокое звание народной артистки СССР. Казахский народ оказал своей любимой дочери высокое доверие и избрал ее депутатом Верховного Совета республики.

Далеко позади осталась темная, беспросветная жизнь и для Дины. Она стала неперемennым участником народных празднеств. Ее слушают тысячи людей. Ее домбра рассказывает о былом, о недавней темноте и забитости казашки и о великом свете, озарившем жизнь.

Память, зрение и слух не изменили Динэ. Стоит ей взять в руки домбру, как она вся преобразуется — выпрямляется стан, молодеет взгляд. Пальцы, скрюченные старостью, приобретают гибкость юности.

Люди восторгаются виртуозностью Динэ Нурпеисовой — заслуженного деятеля искусства Казахской ССР, — когда она извлекает из своей домбры чудесные звуки. Гневно рокочут струны, рассказывая о востании казахского народа против парских притеснений. Материнскую нежность и звонкую радость несут они в кюях, посвященных мудрому Ленину. Много кюев, самых любимых, самых проникновенных, создала Дина о великом Сталине.

Никогда еще ее домбра не была такой полнозвучной, как сейчас.

— Мне почти восемьдесят лет, — говорит она, — но я могу уверенно сказать, что не иссяк во мне родник песни, волной пришли ко мне новые силы для новых песен о наших людях, о моей обновленной стране.

* * *

Изменения, происходившие вокруг, были так велики и столь разительны, что мимо них пройти было никак невозможно. Шекер пожелала встать в передовый отряд строителей новой жизни. Она вступила в коммунистическую партию. Это было в 1929 году. В том же году Шекер впервые в жизни взяла в руки книгу. Она успешно одолела грамоту. Окончив школу либиза, пошла на курсы, потом в совпартшколу и, наконец, в комвуз.

На первой сессии Верховного Совета Казахстана можно было видеть молодую казашку. Многие узнали в ней секретаря Яны-Курганского райкома партии Шекер Ермагамбетову. Ее обступили друзья и знакомые. Удивлялись ее решимости приехать на сессию с малышом, советовали взять отпуск, отдохнуть. Со сдержанной улыбкой Шекер отвечала, что малыши ей не помеха, что отдохнуть она успеет, а отказаться от участия в работе сессии не желает.

Когда Ермагамбетову избрали заместителем председателя Президиума Верховного Совета Казахстана, она принялась за работу с полным сознанием всей сложности и ответственности доверенного дела.

Народ Казахской ССР воспитал тысячи талантливых дочерей. Наряду с мужчинами они поднимают славу своей республикой, строят новую, счастливую жизнь. Куляш Байсеитова, Дина Нурпеисова и Шекер Ермагамбетова воплощают в себе лучшие черты свободной женщины Казахстана.

ГАЙША ШАРИПОВА.

г. Алма-Ата.

²⁾ Байбише — старшая жена.